

Противодействие кризисным процессам в духовно-нравственной и социальной сфере может быть успешным только тогда, когда будет опираться на глубокую и сильную духовную философию, способную раскрыть для человека высокий смысл его призвания на Земле и в Вечности.

Д. В. Пивоваров

ИСТИНА И ПРАВДА: ПОЗНАНИЕ ОТЧУЖДАЮЩЕЕ И ОСВАИВАЮЩЕЕ

Гегель как-то сказал, что истина есть великое слово и еще более великий предмет; если дух и душа человека еще здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь. Но что есть истина? На этот вопрос нет однозначного ответа, да и сам термин «истина» изначально многозначен.

Древнееврейское *amen* обозначает: 1) противоположное лжи или неправде; 2) надежность, доверие, верность. Древнегреческое *ἀληθεια* (алетейя) переводят как: 1) истинное; 2) открытое и честное; 3) подлинная реальность; 4) реальный предмет, а не его копия. Латинское *verus* означает: 1) истинный; 2) правдивый, а *veritas* — истина. Истины подразделяют на необходимые и случайные, аналитические и синтетические.

Платон в диалоге «Теэтет» говорит, что можно владеть истиной, не владея знанием. Не будучи познанной, истина как-то присутствует в мышлении. Но знание невозможно без логоса, без разумно-словесного отчета. Предельные истины должны быть истинами осознаваемыми и обозначенными именами. Изреченные мысли, по Платону, неполны и лживы, а высшие истины о бытии невыразимы. Тем не менее, бытие нельзя не мыслить, даже если оно непостижимо. По Декарту, ясные истины — от Бога, по Спинозе, истина — это то, как Бог видит мир; отсюда, подлинная истина есть признак полного и точного знания.

Некоторые философы-прагматисты утверждали: «Даже если Бога на самом деле нет, но человек в Нем очень нуждается и ве-

рит, что Он есть, то Бог непременно появится как реальная сила». Утопическая функция философии оправдывает себя, когда сила соборной веры опредмечивает утопию, вдыхая в нее жизнь. Вспомним, что в России, полигоне утопий, в XX веке коммунистический идеал обрел форму советской власти, породил богатую культуру и просуществовал более полувека. Выходит, понятие утопической иллюзии вполне совместно с понятием реальной осуществимости.

Материализоваться способно не только эпистемически-истинное знание, но также и знание субъективно-иллюзорное, содержание которого не отличается объективностью, не адекватно внешнему миру. Атеисты-материалисты склонны рассматривать религию всего лишь как форму бессильного утопического заблуждения. Но разве справедливо признавать иллюзиями и заблуждениями такие воплощения веры в Абсолют, как культуры буддизма, христианства и ислама?! Столь ли уж велика разница между опредмеченными идеями науки и религии?

Вообще говоря, не так уж важно, адекватна или неадекватна исходная идея законам первозданной природы («реалистичен» ли именно такой портрет, тип мебели, фасад дома и т. п.). Гораздо важнее способность идеи материализоваться, обретать отдельное реальное существование, удовлетворять человеческие потребности, развивать социум. Философы-прагматисты выявили громадную роль воли и веры в деле материализации придуманных сознанием идей: чем сильнее воля и вера, тем скорее и успешнее воображаемое станет действительным.

В западноевропейской философии между собой всегда конкурируют два типа философии: теоретическая и практическая. Первая ориентируется на понятие истины, причем мир истин весьма напоминает трансцендентную область платоновских идей, противоположную сфере текущих материальных явлений. Такой тип философствования М. Хайдеггер назвал «эйдетическим дискурсом». Напротив, практическая философия нацелена на понятие

Блага, на человеческие потребности и потому предпочитает иной — аксиологический — способ анализа.

В начале XX века теоретическая философия жестко потребовала освободить знание, претендующее на истинность, от всякого рода ценностных формулировок. В свою очередь, философы-аксиологи ввели запрет на построение своих рассуждений по образу и подобию теоретико-научного знания. В отличие от теоретической и практической разновидностей философии, религиозный дискурс, как правило, стремится к гармонизации истины и блага — по эталону калокагатии божественной сущности.

В восточных учениях (индуизм, буддизм, даосизм, конфуцианство) истина трактуется как спасительное знание: 1) слово Учителя, указывающее верный путь к спасению; 2) преодоление иллюзии в пользу подлинного образа действительности; 3) путь восстановления мировой гармонии (например, через почитание традиций в конфуцианстве, законов Империи в легизме и др.).

В теистических верованиях истина определяется как соответствие некоторого высказывания божественному откровению. Так, в иудаизме и исламе истина — это спасительный Закон, верность Заповедям Бога, переданным людям через Моисея или Мухаммада. Для христиан истина — не некая универсальная абстракция, а живая и спасительная личность Иисуса Христа, который изрёк: «Я есть путь, истина и жизнь» (Ин. 14, 6).

Ложь — антипод истины, правды и честности. В формальной логике термином «ложь» обозначают «не-истину» в самом абстрактном смысле. В философских и религиозных текстах ложь и лукавство отличают от ошибок и заблуждений и определяют их как намеренное искажение сути дела. С религиозной точки зрения, ложь есть грех, моральное зло, тщетная попытка обмануть Бога. Лгущий прежде всего наносит вред самому себе, поскольку портит свои отношения с Богом.

Ложь может иметь разные масштабы и степени опасности, обладает разрушительной силой, вызывает острые конфликты между людьми. «Отцом лжи» христиане считают самого отвратительного лжеца — дьявола, искушающего людей и побуждающего лгать тех, кто слаб духом. Ж. Бодрийяр расценил современную цивилизацию как продукт тотальной симуляции (сознательной или неосознанной); наша жизнь наполнена симулякрами — лукавыми подделками лжи под истину, безобразия под красоту.

В классической философии, как известно, сложились три разных трактовки истины как соответствия знания действительности (лат. *veritas est adaequatio rei et intellectus*):

- *теория корреспонденции* исходит из принципа соответствия знания материальному миру (Аристотель пишет в «Метафизике»: «Говорить о сущем, что его нет, или о не сущем, что оно есть, значит говорить ложное. А говорить, что сущее есть и не сущее не есть, значит говорить истинное»);

- *эссенциалистская доктрина* опирается на принцип соответствия предметов их нематериальным оригиналам — трансцендентным идеям (Платон и др.) или имманентным сущностям (Гегель);

- *теория когеренции* основывается на принципе соответствия знания какой-либо форме человеческого сознания:

- врожденным когнитивным структурам (Декарт);
- конвенциям социальных групп (Пуанкаре).
- целевым установкам личности (Джемс);
- априорным формам мышления (Кант);
- самоочевидности интуиции (Бергсон);
- ощущениям (Юм).

Любая теория «соответствия» спотыкается о вопрос «соответствие чему?», то есть не может точно эксплицировать тот объект, которому знание предположительно ставят в соответствие. Какому объекту соответствует, например, утверждение «У меня болит рука»? Ведь боль субъективна, не регистрируется прибо-

рами, а актер умеет вполне правдоподобно имитировать ее на сцене.

Сухотра Свами поясняет указанную гносеологическую трудность древней индийской притчей о повесе, аскете и бездомном псе: каждый из них видит одно и то же — женщину. Однако каждый видит ее по-своему: как объект наслаждения, комок плоти и пищу. «Если соответствие является истиной, то чьей истине соответствует предложение “Вот женщина”? <...> Повеса, аскет и бездомный пес, глядя на наглядный образец женщины, обратят внимание на разные свойства, отношения и аспекты определяемого объекта. Каждый <...> будет понимать слово “женщина” и его значение по-своему»¹. Как правило, научные и вненаучные истины не отвергают, а дополняют друг друга. Д. А. Цыплаков поясняет это правило следующим примером. «Мы видим студента, бегущего на остановку вслед за автобусом. На вопрос “почему он бежит?” можно дать два ответа: “потому, что у него сокращаются мышцы” и “потому, что он опаздывает на лекцию”. Оба эти ответа будут истиной, и они не противоречат, а дополняют друг другу. Так и истины религиозные говорят о добре и красоте, нравственной правде, а истины науки описывают мир практически»².

С XX века в философии усиливается иррационализм в понимании истины. Ницше увязывает истину с идеями вечного возвращения и переоценки ценностей. Экзистенциализм противопоставляет объективной истине представление о личной истине как интуитивной явленности индивиду подлинного бытия. Сартр усматривает сущность истины в свободе. Ж. Маритен и Н. Гартман объявляют истину особым идеальным объектом в составе трансцендентного бытия. Теоретики постмодернизма говорят о познании как процессе вечной и неудачной «погони» за истиной.

¹ Сухотра Свами. Тень и реальность. М., 1998. С. 60 – 61.

² Цыплаков Д. А. Религиозная и научная истина: аспекты секуляризации // Религиоведение. 2011. № 1. С. 71.

Действительно ли истина объективна? На этот вопрос подчас отвечают афоризмом: «Мы терпимо относимся к чужим мнениям, пока не имеем своего собственного».

По мнению Хайдеггера, продолжающего античную традицию, чтобы узнать истину, нужно прибегнуть к «произведению» — вывести ее из потанности при помощи техники; причем сама техника предстает видом истинствования. В неклассической философии истине уже не приписывается свойство объективности. Ее отождествляют либо со специфическими состояниями души (Кьеркегор), либо с ценностью (Риккерт), либо с языковой интерпретацией (Гадамер).

Истина и ценность становятся все более тесно связанными. Понятие ценности стало утверждаться в гносеологии во второй половине XIX века. Его ввел в философию Лотце, полагавший, что ценность возникает исключительно в ситуации ее значимости для субъекта, но не является продуктом его произвола; ценность объективна как общезначимая форма воления и поведения человека. В постнеклассической философии проблема истины превращается в один из аспектов игры по правилам, произвольно выбранным субъектом (Фуко).

Русский язык отмечает в слове «истина» онтологический момент — истое, подлинное, реальное. В русской духовно-академической философии XIX века различены два рода истин: истина онтологическая (она имеет объективный характер и заключена в самом бытии) и истина логическая (она подчинена онтологической истине, субъективна и выражена в человеческих суждениях о бытии).

Суждение считается истинным, когда оно соответствует сотворенным Богом вещам. В Боге совпадают познание и бытие,

онтологическая и логическая истины. Главным критерием истины православная гносеология считает Божественный Разум¹.

В частности, В. Д. Кудрявцев-Платонов (1828—1891) доказывал, что во всяком познаваемом предмете есть две противоположных стороны — идеальная, обладающая более истинным бытием, и феноменальная, обусловленная случайными видоизменениями. Идеальный мир — это объективное содержание истины. Вершина иерархии идей — абсолютная идея, суммирующая в себе все свойства идеального бытия и обладающая абсолютной истиной. Эта идея совершенна и индивидуально-конкретна по форме своего бытия. Она неисчерпаемая, ею обладает Бог, человеку же не дано познавать ее полностью. По Кудрявцеву-Платонову, установление истины предмета связано с отнесением его к ценностям-образцам: «эмпирию» предмета следует сопоставлять с тем, каким предмет должен быть².

Кантом доказано: чтобы познавать, надо действовать, а действие преобразует познаваемое; в итоге человек познает не то, что первоначально существовало, а то, что воссоздано им по схемам его понятий и творческого воображения. По Гегелю, там, где происходит взаимное отражение субъекта и объекта, для измерения силы творчества нужно особое понятие истины как меры соответствия реального с идеальным (то есть как степени согласования эмерджента со своим оригиналом-сущностью). Поэтому Гегель часто определял истину как соответствие вещи ее понятию. Так, построенный дом признается «истинным», когда отвечает ранее утвержденному архитектурному проекту. К процессу осваивающего познания логично применять неклассическое понятие истины Платона и Гегеля. Назо-

¹ См.: Цвык И. В. Проблема истины в русской духовно-академической философии XIX века // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 2. 2004. С. 14 – 30.

² Кудрявцев-Платонов В. Д. Соч.: В 3 т. Сергиев Посад, 1892-1894. Т. 1. Ч.1.

вем это понятие *экзистенциальной истиной* (по-русски — *правдой*).

Экзистенциальная истина есть соответствие экзистенции потребному идеалу бытия. Критерием оправданности идей и идеалов человека служит полнота освоения жизненного пространства и степень удовлетворенности этим освоением. В знании, отображающем мир вкупе с человеческим мироотношением, не стоит с упорством наивного реалиста искать только эпистемическую истину.

Познание непременно включает в себя индивидуальное понимание. Понять значит: 1) выразить познаваемый объект в понятиях; 2) наглядно-модельно представить себе этот объект в формах вторичной чувственности; 3) наделить постигаемый объект смыслом, вмещаемым в личностный смысловой контекст субъекта. Смысл, который индивид приписывает познаваемому объекту, либо творчески изобретается, либо извлекается из уже привычных старых смыслов. Понять физический мир в религиозном смысле значит представить себе этот мир как: а) продукт божественного созидания; б) объект Провиденции; в) медиума между людьми и Абсолютом.

Следует учитывать виртуальное разделение в духовных процессах двух содержаний идеального образа-эмерджента: одно из них есть сознание, а второе — самосознание. Самосознание не способно в полной мере различить, что в эмердженте было исключительно «своим», а что было положено в нем извне, из «инобытия». По крайней мере, это требует огромных экзистенциальных усилий и теоретических размышлений.

В содержание образа самосознания входит некоторая часть «своего-иногo», а в содержание образа сознания — «своего». Причем в последнем случае эта добавка «своего» не столь уж безобидна, коль скоро выносящийся через целеполагание во внешний мир идеальный образ сознания материализуется в вещи

и процессы искусственной природы, существенно отличающейся от первозданной природы.

Классическое понятие истины не измеряет адекватность образов сознания и самосознания во всей их полноте. Можно ли переживание освоенности мира оценивать как истинное или ложное? Применим ли предикат истинности к образам самосознания и что вообще собой представляют образы самосознания — какова в них пропорция «картинности (имитации) и выразительности? На такие вопросы нет однозначных ответов.

Понятие жизненной правды (экзистенциальной истины) применимо не столько к обозначению объективного содержания природных, социальных и психических процессов (хотя и предполагает частичное воспроизведение такого содержания в снятом виде), сколько сопряжено с уникальностью личностного переживания освоения мира, гармонией индивидуального мироотношения. Сколько людей, столько, вообще говоря, и жизненных правд. Столкновение взаимоисключающих жизненных правд может быть прекрасным и безобразным, трагичным и комичным, возвышенным или низменным.

Неслучайно философия прагматизма отождествила истину со свойством идеи придавать нашей деятельности конструктивный характер, вести к практическому успеху, приносить жизненную пользу. Развенчивая претензии марксистов на обладание абсолютным эпистемическим критерием истины (критерием практики), философы-прагматисты обратили философскую мысль к теме жизненной истины. Жизненная правда — синкретичный сплав снятого объективного (это роднит ее с объективной истиной) и субъективно-личностного в мироотношении (это отличает ее от эпистемической истины). Часто за ее критерий берут сходство: доказать правду значит субъективно установить сходство между обсуждаемыми и ранее оцененными ситуациями.

Когда человек, мучительно решая свой конфликт с миром, ищет новые смысложизненные ориентиры, то он ищет для себя новую правду. Найдя ее, он субъективно принимает ее за универсальную эпистемическую истину, верную для всех людей, и подчас негодует, почему же другие не разделяют его жизненной позиции. Конфликт жизненных правд (как внутри человека, так и между людьми) всегда неизбежен. Между правдой и верой существует тесная связь (например, говорят: «Он верен своей правде»). Критерием сравнения и оценки многообразных жизненных правд является типическая жизненная правда, основанием для выделения которой служат общечеловеческие моменты мироотношения.

Мысль о любом бытии всегда содержит субъективно-антропный компонент. Подобно расплавленному металлу, заполняющему плавильную форму, интенсивная мысль о бытии, овладевает субъектом, становясь антропоморфной. Материализуя свои идеи и идеалы, человек создает новую действительность, во многом не совпадающую и конфликтующую с миром дикой природы. Субстанцией этого нового мира выступает живая деятельность, расширенное воспроизводство и реализация идей и идеалов.

Там, где эта живая деятельность прекращается, вторая природа спонтанно возвращается в состояние первозданной природы. (Разумеется, между дикой природой и миром человека есть не только различие, но и общность, иначе они бы не смогли физически сосуществовать и взаимодействовать. Законы ноосферы — главные факторы тотальности общества и всей социальной предметности.)

Усилим остроту понятия экзистенциальной истины с помощью «коварного» примера. Допустим, мы смотрим на облака и наблюдаем множество сменяющих друг друга картин. Сами по себе точки, линии и объемы, видимые в облаках, поначалу совершенно бессмысленны — они суть некие неопределенные со-

бытия. Но стоит лишь иллюзорно упорядочить эти события в связи с какой-нибудь установкой, и они тотчас становятся для нас «фактами». Эти «факты» отбираются и складываются в картину облачной реальности (образы моря, гор, воинского соединения, людей, зверей и пр.). При смене установки и переключении внимания на другие конфигурации меняются «факты», и возникает уже иная картина той же самой части небесного пространства. Облачные картины — это эмердженты, возникающие при слиянии внешней оптики с когнитивными стереотипами человека, причем в их производстве участвуют не только наше сознание, но также подсознание.

Если приведенный пример экстраполировать на любой познавательный процесс (религиозный, научный, технический, художественный и т. д.), то экзистенциальная истина станет заметно соизмеримой с эпистемической истиной. Пусть облако — реальный объект, и наше созерцание облака именно как облака, вероятно, истинно в эпистемическом смысле. Однако множество увиденных нами в облаках картин трудно признать эпистемически истинными. Тем не менее, эти картины-иллюзии нетрудно опредметить в материальные компоненты социального мира.

Не так ли обстоит дело в случаях научного, технического и вообще любого вида творчества? Могут сказать: одно дело облака и прихотливая игра воображения, но совсем другое дело наука и техника, где материализация придуманных учеными и инженерами идей связана с систематической экспериментальной проверкой знания. Однако столь ли уж принципиально различие между облаком и, скажем, объектом научного познания?

Вместо примера с облаками попробуем реализовать другой проект. Возьмем кусок ватмана, карандаш, перочинный нож и стирательную резинку. Стачивая ножом карандаш, произвольно водим его над бумагой, и графитовая пыль образует на бумаге хаотичную неоднородность. Затем столь же хаотично водим

по осевшему графиту острым концом многократно свернутой бумаги. На ватмане возникают всякие каракули, пересекающиеся линии, геометрические конфигурации. Поворачивая ватман в разные стороны, осмысливаем «увиденные» изображения, отбираем среди них самые красивые. Таких картин можно вообразить сколько угодно, но каждый зритель «созерцает» что-то свое, личное.

Теперь остается мысленно зафиксировать понравившуюся картину и, удерживая ее в памяти, стереть резинкой все лишнее. Результат бывает достойным художественной выставки. Материализация иллюзии в данном случае достигнута устранением из объективно реальной однородности ненужных нам графов — по известной аналогии со скульптором, который устраняет из глыбы мрамора все лишнее и извлекает из нее совершенную статую.

Спрашивается, существовал ли объективно реальный оригинал, копией которого стала наша картина? Можно ли исходным оригиналом считать хаос конфигураций (облако) графитовой пыли? Или оригинал заключен в «самости» автора картины? Трудно ответить.

Облако или лист ватмана с графитовыми графами — это намек на полноту бытия с неисчислимым множеством потенциальных возможностей; ограничивая полноту, мы творим нечто отдельное. Вряд ли можно копию этого нечто проверить на эпистемическую истинность внешним опытом или практикой. Трудно удержаться от искушения провести аналогию между картиной в облаках, статуей в глыбе мрамора и научной теорией об экспериментальном объекте. Почему в любой науке всегда конкурируют несколько одинаково правдоподобных, но альтернативных обозрений одних и тех же предметных областей? Не потому ли, что мы видим мир таким, каким хотим его видеть и понимать, а понимаем его, в конечном счете, так, как умеем с ним действовать, практически обращаться?

Классический рационализм исходил из твердого убеждения в том, что: 1) мир один и един; 2) истина о нем одна и едина для всех людей; 3) научная истина универсальна, всеобща, необходима, непротиворечива, самоочевидна. Иррационализм и критический рационализм подвергают такого рода убеждение радикальному сомнению. Если поверить, что Бог способен творить любые возможные миры, а человек — подобен Богу, тогда окружающий нас мир вовсе не один и един, и люди творят какие угодно оригинальные миры и образы-теории этих миров.

Так, сфера изящных искусств составлена суммой альтернативных художественных миров и конкурирующих между собой «странных» художественных истин. Наука и техника искусно создали множество разных новых реальностей, которые подчинены особым автономным законам, придуманным учеными и инженерами. Следовательно, классическому принципу единственности, универсальности и непротиворечивости научной истины логично противопоставить неклассическую концепцию плюрализма парадоксальных научных истин о возможных мирах.

Например, Л. Шестов противопоставил абсурдные истины веры (скажем, веру христиан в распятого Бога) рационализму классической науки — он наделил истину свойствами несамоочевидности, парадоксальности, свободы и экзистенциальной неповторимости. Учитывая плюрализм представлений об истине, целесообразно ввести в общую теорию познания два новых термина: «осваивающее познание» и «отчуждающее познание».

Осваивающее познание (*gnosis*) объединяет субъект и объект так, что познаваемое субъективируется, становится жизненно ценным для познающего человека. Причем объект может быть не только внешним (даже трансцендентным) по отношению к субъекту, но и имманентным (иногда трансцендентальным), поэтому в осваивающем познании, в свою очередь, надо выделять его внешне-трансцендентную и имманентно-трансцендентальную разновидности.

Осваивающее познание есть эмоциональное, откровенное и интимное отношение человека к воспринимаемому бытию; его можно охарактеризовать как экзистенциальное притяжение субъекта к объекту в таких формах любви, как сторге, эрос, агапе, фило. Осваивающее познание органически связано с аксиологией сердца, духовным фидеизмом и убеждениями, и истину можно узнать по ее красоте.

В осваивающем познании объект антропоморфизируется и космоунифицируется познающим субъектом. Антропоморфизм есть уподобление инобытия человеческому самобытию, наделение объекта свойствами человека. Термином «космоунификация» предлагаю обозначать умозрительное наделение всех возможных вселенных признаками только одного (нашего) универсума; при этом всякое «совершенно другое» стандартизируется и рассматривается только в рамках единой монистической точки зрения. Абсолютная реальность антропоморфизируется и космоунифицируется в процессе ее религиозного освоения.

Философов всегда привлекает «антропный парадокс»: мир огромен и стар, человечество же возникло недавно и созерцает мир из своего крошечного наблюдательного пункта; тем не менее, все известные нам свойства мира проявляются только через отношения универсума к человеческому закоулку — кроме нас атрибуты вселенной (ее размеры, возраст и пр.) некому наблюдать. И хотя все мы хорошо знаем, что мир существовал задолго до нас и не зависимо от нашего существования, все же те свойства, которые мы ему приписываем, выявляются только через наше прикосновение к миру¹. Этот же парадокс применим к теме бытия Бога: божественные атрибуты, так или иначе, релятивны к человеческому существованию.

Отчуждающее познание (*ἐπιστήμη, episteme*), наоборот, разъединяет познающее и познаваемое, превращает субъекта в

¹ См.: *Frayn M. The Human Touch: Our Part in the Creation of a Universe.* Cambridge, 2006.

отстраненного, бесстрастного и объективного наблюдателя, а объект — в нечто «совершенно иное». Объектом такого познания могут быть как внешние (в том числе трансцендентные) предметы, так и имманентные (иногда трансцендентальные) вещи; поэтому его можно подразделить на экстерьерное и интерьерное отчуждающее познание.

Отчуждающее познание устремлено к «объективной истине», определяемой, по Стагириту, как соответствие знания действительности и проверяемой нейтральными критериями (внешнего опыта и разумной самоочевидности — экспериментом, «фигурами логики»). Это внешняя истина.

Осваивающее же познание ориентировано на другое — на то, что в русском языке обозначают термином «правда», плохо переводимом, например, на английский язык. Интернациональным аналогом *правды* может быть *экзистенциальная истина* — внутренняя истина. Эпистемическая истина для всех одна, intersубъективна и ценностно-нейтральна. Напротив, экзистенциальная истина-алетейя у каждого своя, спаяна с принципами внутренней жизни индивида и имеет явно выраженный личностный и ценностный характер. Правду трудно верифицировать критериями материальной практики или рассудочной непротиворечивости. Ее предпочитают проверять духовными мерилками — *faith*-верой, совестью, интуицией.

«Правда — это такое начало, которое, скорее молчит о себе, чем говорит о себе. И к правде, вообще, подходить надо осторожно. Правда не бьет себя в грудь и не кричит, что она истина. Она, скорее, молчит о себе» (А. Л. Казин). По мнению С. Ф. Денисова, в узком смысле неправда связана с предпочтением небытия (с танальными тенденциями) и влиянием судьбы (слепого рокового случая). Среди основных форм современной неправды Денисов перечисляет равнодушие, безразличие и эстетизм, а главную причину скуки он видит в том, что люди пребывают в неправде, хотя и помнят о былой правде. Правда — это совесть,

то есть совместная весть о жизни в соответствии с представлениями о добре и благожелании.

«В широком смысле правда представляет собой иерархическую систему ценностей, на основе которых формируется витальная тенденция человеческого бытия. <...> Правда является, пожалуй, основной детерминантой человеческой жизни, но наряду с ней человеческая активность испытывает огромное давление судьбой. Правда и Судьба — вот два наиболее распространенных понятия, с помощью которых человек пытается объяснить свою жизнь»¹.

В Древней Руси почти все поле человеческой деятельности определялось правдой и неправдой. «Человек мог жить по “правде”, потому что она — Божьи заповеди и церковные правила. И мог судиться по ней, потому что “правда” — суд, а также судебные испытания и даже пошлина за призыв в суд свидетеля»².

И. С. Пересветов, оригинальный русский мыслитель XVI века, писал, что правда есть совокупность заповедей Бога, имеющих статус законов и для государя, и для его подданных. Являясь нормой жизни, правда проистекает из единственного божественного источника — Библии. Православная вера помогает народу исполнять и понимать правду, но наиболее полное знание о божественных заповедях имеют духовные лица.

Истина и правда по-разному сплетены друг с другом, равно как разнообразны взаимосвязи объективных знаний с субъективными убеждениями. Между ними (правдой и истиной, убеждением и знанием) нередки противоречия. Бывают: истинная правда и ложная правда; правдивая ложь и неправдивая истина; ложь во спасение и убийственная правда. Так, народная сказка выражает глубокую правду жизни, но противоречит истине факта (русская

¹ Денисов С. Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды. Омск, 2001. С. 49 – 50

² Юрганов А. Л. Категории средневековой культуры. М., 1998. С. 46

пословица гласит: «Сказка — ложь, да в ней намек, добру молодцу урок!»).

Разумеется, названные виды познания — осваивающее и отчуждающее — суть оторванные друг от друга абстракции. В реальности же (в каждом отдельном когнитивном акте) они сочленены в той или иной пропорции, и между ними возможны противоречия. В конечном счете осваивающее и отчуждающее виды познания произрастают из одного и того же корня, а именно из процесса взаимодействия своего и иного, из противоречивого опыта освоения и отчуждения.

Пример познания с доминантой отчуждающего начала — техническое и естественнонаучное познание. Напротив, религиозное и философское познание есть по преимуществу познание осваивающее, сопряженное не столько с поиском эпистемической истины, сколько с постижением онтологической правды жизни. По этой причине религиозные и философские системы продолжают оказывать мощное воздействие на умы людей даже тогда, когда «рационально-научный критицизм» отвергает их посредством объективных критериев эпистемической истинности.

В отличие от научных теорий ни одно из великих философских учений никогда не устаревает, и в этом, вероятно, коренное отличие мудрости (лат. *sapientia*) от научности (лат. *scientia*). «Откровение — это проявление в человеческом знании основания бытия» (Тиллих).

Усматривая в личностном безусловном бытии калокагатию (единство в Боге абсолютного блага, истины и красоты), богословы утверждают, что бытие не поддается отчужденному познанию, а внутренне открывается человеку через духовную сторону его души — через совесть и внутренний синтез сердца, то есть через мистическую связь человека с Абсолютом. Экзистенциализм являет собой течение современной философии, стремящееся воссоединить и уравновесить *gnosis* и *episteme* — осваивающее и отчуждающее познание.

Религию иногда (в особенности в христианстве) предпочитают называть «верой», а в иных случаях ее определяют как особое «спасительное знание». Многие атеисты, путая правду и истину, оценивают религию как «слепую» и бессодержательную веру, не имеющую своего предмета, и противопоставляют ей холодный просвещенный разум. Богословы расходятся между собой при описании постижения верой Абсолюта. Так, пантеисты полагают, что для познания Бога вполне достаточно непосредственной веры. Теисты же требуют дополнять религиозную веру эмпирическими свидетельствами Богоявления и логическими доказательствами бытия Бога.

О несоизмеримости веры и разума немало сказано апостолом Павлом, Тертуллианом, Паскалем, Кьеркегором, К. Бартом и др. Религиозная вера часто направлена на трансцендентное, физически невозможное, чудесное, поэтому ее истины кажутся нашему разуму парадоксальными, бессмысленными и даже абсурдными.

Противоречие между абсурдом веры и логичностью понимания отражено в формуле Кьеркегора: «верить, значит не понимать». Веру нельзя доказать, но можно выяснять. К вере, как правило, невозможно принудить — ее свободно выбирают; «невольник — не богомольник». Если истина не может привлечь к себе разум собственным светом, — говорил Д. Локк, — внешняя сила ей не поможет. Истинная вера насаждается в сердце Богом (Р. Нибур). На заре христианства специфику осваивающего познания философы-гностики называли «гнозисом».